

УДК 94 (470)

**ЗАБЫТЫЕ ПРОЗРЕНИЯ: РОССИЯ И АМЕРИКА
В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ПАВЛА МУРАТОВА**

© 2017 г.

С.М. Усманов

Ивановский государственный университет, Иваново

ilapsi@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.11.2017

Анализируются представления о будущем России и всего мира русского эмигранта Павла Муратова. Рассматриваются наиболее содержательные статьи П.П. Муратова 1920–1930-х гг. Автор выявляет некоторые значимые параллели в развитии России и США в послереволюционную эпоху, высказывает свои соображения о наиболее существенных прозрениях русского мыслителя о России и Америке.

Ключевые слова: Павел Муратов, русское зарубежье, послереволюционная Россия, Америка, публицистика, история эмиграции.

Искусствовед и писатель Павел Павлович Муратов (1881–1950) – личность почти забытая в современной России. И это, по крайней мере на первый взгляд, представляется чем-то не очень понятным. Дело в том, что культурологи и литературоведы все же упоминают его дореволюционную книгу «Образы Италии». В таком контексте Павла Муратова представляют читателям как значительного искусствоведа и знатока европейской культуры.

Был известен Павел Павлович Муратов и как тонкий интерпретатор древнерусской иконописи. Кроме того, Павел Павлович являлся еще и писателем, выпустившим несколько сборников рассказов и роман «Эгерия». Так что вполне обоснованно известный специалист по наследию русского зарубежья В.М. Толкачев определяет П.П. Муратова как писателя, искусствоведа, переводчика и издателя [1, с. 67]. К этому перечню необходимо добавить еще и то, что Муратов был оригинальным мыслителем и политическим публицистом. Правда, в общественно-политической публицистике Павел Муратов проявил себя только после выезда в 1922 г. за границу.

Однако только немногие знатоки наследия русского зарубежья анализируют его статьи по общественной и политической проблематике послереволюционной эпохи. Вот почему нам представляется, что все творчество Павла Муратова, а особенно его публицистика 1920–1930-х гг., заслуживают более существенного внимания исследователей.

В этой связи очень показательным нам представляется отзыв о работах П.П. Муратова известного русского писателя-эмигранта Бориса Константиновича Зайцева. 3 января 1951 г. он опубликовал в парижской газете «Русская

мысль» статью о своем недавно умершем друге Павле Павловиче Муратове. Среди прочего Зайцев упомянул и о статьях Муратова для парижской газеты «Возрождение», на страницах которой Павел Павлович регулярно печатался с 1927 по 1934 г.: «В “Возрождении” писал небольшие, острые, иногда политические, всегда своеобразные... статьи. <...> Впрочем, “несвоеобразного” больше ничего не мог ни говорить, ни писать. С этим умнейшим человеком, которому ничего не надо было объяснять, можно было соглашаться или не соглашаться, но никак не приходилось его упрекать за “середину”, “золотую”: он всегда видел вещи с своей, особенной точки» [2, с. 218].

В биографическом очерке Борис Константинович Зайцев подчеркивает высокие человеческие качества Муратова и его личное обаяние. И это неудивительно, ведь их дружба продолжалась несколько десятилетий. Стоит согласиться и с характеристикой политической публицистики Муратова как «своеобразной», рассматривавшей все проблемы с «особенной» точки зрения. В самом деле, Павел Павлович печатался в разных изданиях, в том числе в таких более или менее левых изданиях, как «Современные записки», «Воля Россия», «Звено» или «Русская мысль». Но он явно не принадлежал к каким-то эмигрантским политическим течениям. Именно такая независимость, особенность его личной общественно-политической позиции, в конце концов привела его в считавшуюся правой парижскую газету «Возрождение», где он получил несколько большие возможности излагать читателям свое видение мира и происходивших в нем перемен. Впрочем, сотрудничество с «Возрождением» неизбежно отдалило Муратова от многих его прежних приятелей и

знакомых – таких, как Михаил Осоргин, Марк Алданов, Михаил Цетлин, и других представителей эмигрантской интеллигенции либеральной или социалистической ориентации.

Вот почему для нас представляют такой интерес статьи Павла Павловича Муратова для газеты «Возрождение». Знакомство с этой частью наследия мыслителя производит большое впечатление, ибо даже на фоне многих замечательных трудов целого ряда видных представителей русской эмиграции статьи П.П. Муратова ничуть не теряют своей значимости и актуальности для нашего времени.

В этой связи весьма обоснованным выглядит суждение исследовательницы наследия Павла Павловича его внучатой племянницы Ксении Михайловны Муратовой о том, что «многие из этих работ поражают даром предвидения, основанного не только на прекрасном знании истории вообще, но и на особой остроте исторических размышлений и глубине оценки происходящего, лишенной каких бы то ни было иллюзий. <...> Муратов предсказывает, что XX век не будет “германским веком”, как бы Германия этого ни хотела, но “веком американским”, подчиненным влиянию американской массовой культуры» [3].

Действительно, размышления П.П. Муратова 1920–1930-х гг. и об Америке, и о Германии, и о Франции, и о Бельгии, и об Италии очень интересны. Читая их, можно согласиться с А.Н. Богословским, который еще два десятилетия назад писал о «неизвестном Муратове» – «чутком историке и проницательном политическом мыслителе» [4, с. 131]. Стоит добавить к этой оценке, что и сейчас Павел Муратов все еще во многом остается «неизвестным мыслителем».

Совсем мало откликов в отечественной науке имеют сочинения Павла Муратова об Америке. Впрочем, почти то же самое можно констатировать и по поводу изысканий зарубежных ученых. Так, французский исследователь Даниэль Бон-Грей замечает, что Муратов в своих работах всегда пытается определить место России в Европе [5, с. 458]. Конечно, это так, но Муратова, как человека очень наблюдательного и к тому же любившего путешествовать, очень интересовали и неевропейские миры, в особенности Америка и Япония. Надо отметить, что за пределы европейских горизонтов Павел Павлович Муратов вышел уже в 1930-е гг. Вероятно, расширению его интересов очень способствовали предчувствия будущего, в том числе связанные с судьбой России.

В контексте нашей темы необходимо назвать прежде всего одну из самых значимых его работ, напечатанных в газете «Возрождение», – статью 1930 г. «Россия и Америка». В

целом данное сочинение Муратова в очень большой степени посвящено не столько Америке, сколько будущей судьбе России. Поэтому для начала стоило бы принять во внимание общие представления мыслителя о том, что же может случиться с его Родиной в результате правления большевиков. В данном случае особого внимания заслуживает муратовская статья 1927 г. «Запретные слова». В ней содержатся авторские размышления о судьбе Российской империи после ее крушения, о политике большевиков, а также и о возможных последствиях тех перемен, которые происходят в России и вокруг нее. Само собой разумеется, что здесь, как и в других статьях для «Возрождения», Муратов излагает собственные соображения ярко, емко и подчас афористично. Выделим основные «прозрения», открывшиеся Павлу Павловичу Муратову о будущей судьбе России, которые он изложил в данной статье.

Прежде всего, для Муратова очевидно, что Россия – это империя: «...империалистическая идея остается жива, пока остается жива Россия. Ибо Россия – это Империя. Настолько законно и органично для России имперское самоуправление, что мы встречаем его иногда у самых по политическим взглядам разных людей – у Милюкова, у евразийцев и иногда даже и у большевиков» [6, с. 175].

В этой связи не случайно то, что большевики смогли вновь собрать российскую территорию: «Большевики утверждают, что за них было население. Это отчасти верно и отчасти неверно. Но вот что окончательно верно: за них была сама территория – Российская имперская территория, знающая только одну логику прироста – с севера на юг и с запада на восток, а не наоборот» [6, 177]. Однако, утверждал в этой статье Павел Павлович, «захватив пространства Российской империи, большевики не смогут их удержать в силу одной очень простой вещи». Ибо «они не поняли и не поймут, что Россия держалась не только имуществом своим, но и духом» [6, с. 177].

Наконец, Муратов показывает противоречивые перспективы для России власти большевиков: «Часто говорят, что «время работает» против большевиков. Допустим, но сознаемся, что пока существует их власть, время работает и против России. Для восстановления России существует какой-то срок, это тот срок, по прошествии которого русская имперская культура станет лишь бледным воспоминанием рядом с живой реальностью отдельных национальных культур, укрепляемых и большевистскими поощрениями, и большевистскими гонениями» [6, с. 179].

В целом в этой очень содержательной статье Павел Павлович Муратов не ограничивается одними предчувствиями будущего, но делает из них определенные выводы. Те, кто считает себя защитниками российской идеи, пишет он, должны быть готовы признать и назвать себя сторонниками имперской власти. Ибо смена Советского государства рядом национально-этнических государств означала бы гибель России, ее имперской культуры, ее мирового духа [6, с. 179].

Вот в каком контексте появляются размышления Павла Павловича о все более явственно проявлявшем себя процессе американизации России. Надо отметить, что для самого Муратова Америка вовсе не являлась каким-то жупелом. Он воспринимал американскую реальность неоднозначно, усматривая в ней как светлые, так и темные стороны. Может быть, наиболее отчетливо такая неоднозначность муратовского взгляда проявляется в его путевом очерке «Нью-Йоркская жизнь», написанном в 1934 г., в разгар мирового экономического кризиса. «С точки зрения «высших запросов» существования, это, конечно, очень плачевная разновидность человеческой жизни. Но она соответствует каким-то «элементарным потребностям» и даже облегчает и скрашивает их. Так можно оправдать существование этого человеческого муравейника», – писал Павел Павлович как очевидец жизни Нью-Йорка начала 30-х гг. [7, с. 306].

Вместе с тем Муратов видел и существование «иной Америки», бывшего рабовладельческого Юга, о которой он с большой симпатией написал в двух статьях для газеты «Возрождение». «То была помещичья Америка и Америка небольших, уютных городов. То была Америка сословных понятий, существовавших не в силу закона, но установленных самой жизнью» [8, с. 2] – писал Павел Павлович во второй из этих статей. А чуть раньше, в первой статье об «иной Америке», он высказывался еще более категорично: «Мне кажется, что Америка, созданная победою северян, промышленная и слишком богатая, слишком благополучная Америка, являющаяся в то же время пленницей своего собственного богатства и благополучия, Америка Чикаго и Питтсбурга, не есть Америка будущего. <...> Мы должны понять идею Юга Америки, чтобы лучше понять Америку завтрашнего дня» [9, с. 3]. В этой связи, конечно, требуется более тщательное изучение всего корпуса текстов Павла Павловича Муратова для более основательного выявления образа Америки в его творчестве. Но в данном случае мы ограничиваемся лишь исследованием его сопоставления

Америки с Россией под властью большевиков и с Россией будущего.

По впечатлениям Муратова, уже в 1920-е гг. воздействие примера Америки для «подсоветской» России становится очень значительным. В статье 1930 г. «Россия и Америка» Павел Павлович в этой связи выдвигал следующее предположение: «я сильно подозреваю, что Америка является тем единственным «положительным идеалом», который может объединить более или менее всех или почти всех несчастных «граждан» Советского государства» [10, с. 73]. Вполне обоснованно Муратов отмечает, что сами большевики «сделали очень многое, чтобы превознести Америку» в глазах «обитателя» советской страны: «Повсюду, на каждом шагу, ему кричат в уши о деловитости, о рациональном труде, все это «по образу Америки». Конечно, тут прибавляется, что это надо лишь для того, «чтобы превзойти Америку», но наивную эту прибавку он пропускает мимо ушей» [10, с. 73–74]. Заметим, что подобные наблюдения П.П. Муратова вполне подтверждаются научными работами ученых нашего времени, но, конечно, без отсылок к работам Павла Павловича [11].

Однако в статье Муратова «Россия и Америка» имеются и самые настоящие предвидения того, какие последствия принесет это увлечение Америкой в советской России. «Иногда больно думать об этом контрабандном проникновении в Россию в довольно грубом преломлении ее «американской мечты». В нынешних условиях жизни ее «воспитательное значение» недалеко ушло от того, какое можно наблюдать у полудиких народов, пришедших в соприкосновение с третьесортной цивилизацией и схвативших ее худые черты. И все-таки большевистская эпоха исполнила в этом смысле своего рода историческую миссию. Она привила России вкус к американской мечте. Вкус этот, думается, по существу не изменится и тогда, когда России будет открыта американская действительность» [10, с. 75], – прогнозировал парижский эмигрант.

Особенно поразительным выглядит следующее предвидение Муратова о будущей американизации России: «Разрушенное большевиками до самого основания своего материальное благосостояние Россия может воссоздать лишь всеобщим порывом к материальному благосостоянию, лишь волей, энергией бесчисленных инициатив, преследующих элементарно и узко поставленные цели. Русская идея может воскреснуть в России, но для этого прежде всего надо ведь, чтобы существовала Россия! Для того чтобы создалось обиталище русского духа,

надо, чтобы построился русский дом. Не станем же заранее укорять те поколения, которые будут заняты исключительно работой по сооружению этого дома, в их увлечении материальной стороной жизни» [10, с. 76].

Впрочем, несмотря на такие перспективы, Павел Павлович Муратов отнюдь не становился апологетом будущей американизации России, а потому в той же статье он отстаивал приоритеты духовного и культурного порядка: «Люди, чувствующие свою органическую принадлежность к русской культуре, напрасно сомневаются иногда в той роли, которая ожидает их в новой России, в «русской Америке». Роль эта велика и очень почетна. Роль эта и заключается в сопротивлении «голому американизму» и в отстаивании русских национальных духовных ценностей от всеколлапсирующего напора материальной силы» [10, с. 76].

На наш взгляд, все эти «предчувствия будущего», высказанные Муратовым почти девяносто лет назад, заслуживают существенного внимания и основательного осмысления в современной России. Вполне обоснованным в данном контексте нам представляется предположение о том, почему именно Павел Павлович Муратов сумел предвидеть столь существенные черты будущего России. Думается, дело здесь прежде всего в чуткости и внимательности русского мыслителя-эмигранта к проблемам духовного и культурного порядка, а не только к факторам и величинам материального характера. Это, види-

мо, и позволило талантливому ученому, писателю и публицисту предугадать нечто очень существенное в судьбе своей Родины.

Список литературы

1. Толкачев В.М. Муратов Павел Павлович // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. С. 67–68.
2. Зайцев Б.К. П.П. Муратов // Зайцев Б.К. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. М., 1999. С. 214–220.
3. Муратова К. Каждый день П.П. Муратова-колониста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10405.php>
4. Богословский А. Запретные слова Павла Муратова // Человек. 1994. № 1. С. 130–132.
5. Beaune-Gray D. L'itinéraire intellectuel de Pavel Muratov (1881–1945) // Les premières rencontres de l'Institut européen Est-Ouest. Lyon.: ENS LSH, 2004. P. 439–458.
6. Муратов П.П. Запретные слова // Ночные мысли. М., 2000. С. 174–179.
7. Муратов П.П. Нью-йоркская жизнь // Ночные мысли. М., 2000. С. 303–306.
8. Муратов П.П. Иная Америка. II // Возрождение. 1932. № 2443. С. 2–3.
9. Муратов П.П. Иная Америка. I // Возрождение. 1932. № 2442. С. 2–3.
10. Муратов П.П. Россия и Америка // Человек. 1998. № 4. С. 72–76.
11. Супоницкая И.М. Американизация Советской России в 1920–1930 гг. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 46–59.

FORGOTTEN INSIGHTS: RUSSIA AND AMERICA IN THE POST-REVOLUTARY PUBLICISTICS OF PAVEL MURATOV

S.M. Usmanov

This article examines the ideas of the Russian emigrant Pavel Muratov regarding the future of Russia and the whole world. P.P. Muratov's most substantial articles of the 1920s-1930s are considered. The author reveals some significant parallels in the development of Russia and the USA during the post-revolutionary era and makes some observations about the most essential insights of the Russian thinker concerning Russia and America.

Keywords: Pavel Muratov, Russian emigration, post-revolutionary Russia, America, history of emigration.

References

1. Tolkahev V.M. Muratov Pavel Pavlovich // Kul'turologiya. XX vek. Ehnciklopediya. T. 2. S. 67–68.
2. Zajcev B.K. P.P. Muratov // Zajcev B.K. Sbranie sochinenij: V 5 t. T. 6 (dop.). Moi sovremenniki: Vospominaniya. Portrety. Memuamyje povesiti. M., 1999. S. 214–220.
3. Muratova K. Kazhdyj den' P.P. Muratova-kolumnista [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10405.php>
4. Bogoslovskij A. Zapretnye slova Pavla Muratova // Chelovek. 1994. № 1. S. 130–132.
5. Beaune-Gray D. L'itinéraire intellectuel de Pavel Muratov (1881–1945) // Les premières rencontres de l'Institut européen Est-Ouest. Lyon.: ENS LSH, 2004. P. 439–458.
6. Muratov P.P. Zapretnye slova // Nochnye mysli. M., 2000. S. 174–179.
7. Muratov P.P. N'yujorskaya zhizn' // Nochnye mysli. M., 2000. S. 303–306.
8. Muratov P.P. Inaya Amerika. II // Vozrozhdenie. 1932. № 2443. S. 2–3.
9. Muratov P.P. Inaya Amerika. I // Vozrozhdenie. 1932. № 2442. S. 2–3.
10. Muratov P.P. Rossiya i Amerika // Chelovek. 1998. № 4. S. 72–76.

11. Suponickaya I.M. Amerikanizaciya Sovetskoj Rossii v 1920–1930 gg. // Voprosy istorii. 2013. № 9. S. 46–59.